

ПИОНЕР

ЛІЗ

Издание «Комсомольской правды»

Май 1932 г.

Сплоченные ряды трех поколений. Старые большевики — шефы юных пионеров.

С 1 по 8 июля в Москве заседала VII всесоюзная конференция ВЛКСМ.

От Общества старых большевиков VII конференцию ВЛКСМ приветствует тов. Семашко.

Мы, старые большевики, закаленные в революционной борьбе, берем шефство над пионерорганизацией.

Мы обязуемся помочь школам в борьбе за качество учебы, вводя в школах действительную политехнизацию.

Мы поможем поднять среди пионеров-школьников сознательную дисциплину.

Мы поможем осуществить в школах и пионеротрядах правильный отдых и физкультуру.

Мы поможем пионерам в политвоспитании, все пионеры-школьники должны знать историю революционной борьбы.

Мы поможем каждому пионеру осуществить боевой азвуг:

«ПИОНЕР — ВСЕМ ДЕТЯМ ПРИМЕР».

Тов. Семашко говорит, что к нему как к председателю Деткомиссии ВЦИК поступают жалобы на отдельных пионерских лагерей о плохом снабжении, он говорит, что Деткомиссией приняты меры наладить снабжение.

Тов. Семашко указывает на разницу в воспитании городских и деревенских ребят. Он говорит, что одна из важнейших задач — уничтожить эту разницу.

Он говорит, что комсомолу нужно обратить серьезное внимание на работу среди родителей. Нужно развернуть шире работу общества «Друг детей» — и других добровольных обществ как в городе, так и в деревне.

Мы должны добиваться, чтобы наше молодое поколение воспитывалось и росло со стальными мускулами и крепкими нервами.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СПЛОЧЕННАЯ РАБОТА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША КРЕПКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЮЗ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИРОВАЯ ПИОНЕРИЯ!

(Отчет о конференции читай в след. №).

Приветствие тов. СТАЛИНА

Привет бойцам ленинского комсомола, делегатам и делегаткам Седьмой всесоюзной!

Желаю вам успеха в деле коммунистического просвещения и организации миллионов масс рабочей и крестьянской молодежи!

Держите высоко знамя ленинского интернационализма, боритесь за мир и дружбу между народами, крепите оборону нашей страны против капиталистического нашествия, взрывай-

те старый мир рабства и эксплуатации, стройте и укрепляйте новый мир освобожденного труда и коммунизма, учитесь соединять во всей своей работе могучий революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной коммунистической партии!

Да здравствует комсомольское племя!

СТАЛИН

ДНЕВНИК? ЛЕТОПИСЬ?

Вот отрывки из лагерного дневника Сени Прохорова:

«20-е. Подняли лагерный флаг. Стояли на линейке. Было весело. У нас в лагере 150 чел., из них 120 — пионеры, а остальные — октябрата.

21-е. После побудки встал.

22-е. На обед была каша с маслом. Давали приборку. Работали всем отрядом в колхозе «Путь социализма».

23-е. Результаты состязания волейбольных команд: 1:6 и 2:8. Здорово! Ребята! И мы, редакция журнала «Пионер», спрашиваем вас вместе с Сенией Прохоровым: здорово? Только мы не о состязаниях, а о дневнике.

Сения прислала нам свой дневник. Редакция получает очень много таких дневников.

Все они очень скучны. Если бы напечатать целиком дневник Сени, вы бы не стали его читать. А в лагере у Сени вероятно были интересные происшествия. Только Сения про них не написал в дневнике.

Скучно писать. Прочтешь, станет еще скучнее. А тут рядом ребята играют волейбол.

Но есть такой дневник, который все же, несмотря ни на какие волейболы, дописывается до конца. Это — звеньевой дневник. Писать такой дневник необходимо, к концу лагерной жизни вожатый потребует его. И пишут этот дневник, как будто по паряду. Пишут например так:

«11-ое. Звено работало в колхозе «Светот».

12-ое. В мертвый час сестра осматривала ноги и руки. У Сони Семиной были самые грязные.

К концу лагеря, перед отъездом в город, звено общими усилиями спешно пишет дневник. Быстро заполняются странички дневниковой тетради. Но какой пользы в таком дневнике? Ответим прямо — никакой. Читать его не интересно, писать его скучно, а опыта работы он не учитывает.

Давайте перепишем вместе первую фразу так, как нужно было ее написать в хорошем дневнике. Фраза эта: «звено работало в колхозе «Светоч». Представим себе сначала, где расположен колхоз, когда работало там звено, какую работу выполняло, весело или скучно было ребятам. А потом, после того как мы все это узнаем, эта фраза будет выглядеть вот как:

«11 июля (15-й лагерный день). Мы встали как всегда рано. Вожатый Миша — он дежурный по лагерю сегодня — вошел в пашу спальною и зареагирал так громко, что звено в полном составе повскакало с топчана. Миша сказал: — Ну, хлопчики, — так он нас всегда называет, — ну, хлопчики, погуляли и ловольно. Сегодня наше звено в колхоз полет. Я объявлю на линейке.

Мы быстро оделись и, позавтракав, пошли в колхоз. Дорога от лагеря до колхоза идет все время лесом, и только перед самой деревней начинаются поля. Лес в этих местах смешанный — тополь и сосна. В лесу дорожка хорошая, гладкая и босяком по ней идти очень приятно. Когда мы вышли из лагеря, наш звеньевой, он же общебазовый барабанщик, Митя Тимошков начал выбивать «старого барабанщика», но потом перестал и мы пошли так, без музыки. Солнце стояло высоко.

В колхозе нас встретил тов. Корбаев, председатель, бывший партизан гражданской войны. Он послал нас работать в яслях. Там, в большой новой из-

бе было чисто и просторно. Маленькие кроватки стояли в несколько рядов. Младенцев в яслях было много, 30, а медсестричек только 3, и для каждого из нас нашлась работа. Митя положил барабан, надел халат и начал пелесать черноглазого мальчишку, а Петя и Варя кивятили для него молоко».

Какое описание интереснее? Какое больше дает? Что интереснее читать?

Но описывать все подробно — тоже скучно. Поэтому для дневника нужно выбирать только самые интересные события. Только те, которые случились сегодня и уже завтра не повторятся.

Дневники нам очень нужны. Хорошей книжки о пионерах у нас еще нет. Хорошие книжки «Жители мозолеев» В. Гризлова и «Санитарки» Л. Булгоской. Последние книжка — лучшая. Она рассказывает про своего санитаров.

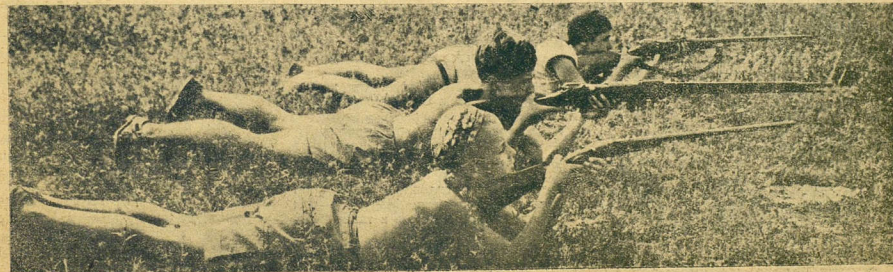
У нас в Советском союзе 6 миллионов пионеров, а книг специально про них штук 6, не больше. Это неправильно. Происходит это вот почему. Писатели не знают их и не умеют про них написать, значит сами ребята должны за них это сделать. Но написать хорошую книгу может быть даже труднее, чем построить новый завод. Хорошая книга — это всегда открытие, изобретение. А раз так, значит это — большая и сложная работа.

Пионерский лагерный дневник — это материал для настоящей и интересной книги.

Пионерский дневник — это лучший способ учета лагерной работы.

Ребята, пишите дневники! Присылайте названия, дневники, летописи!

Пишите про лагерь! Ждем! Письма и дневники можно присылать без марок! Разрешается!

ТОЛЬКИНА РОТА

Рассказ ДОРОХОВА

Рисунки В. ГОРЯЕВА и В. ДЕОПИИ

Рота создаваться стала не сразу. Самым старшим в ней был двенадцатилетний Толька Любимов.

Вовка Никитин предложил назвать роту просто «молодежной», Толька запротестовал. Недавно он услышал от отца, что лучшие стрелки—это команда снайперов. И Толька решил, что их рота должна называться «ротой снайперов». Вовка по характеру был более мягок, чем Толька, и уступил без особых возражений.

Следующим вопросом, возбуждавшим горячие споры, был вопрос о том, принимать ли в роту девочек.

— Вот еще!—важно надув губы, сказал пушотный коротыш Левка Крупицын — чего мы с девочками делать будем?

Левку поддержал еще кто-то из ребят. Вовка горячо высказался за принятие девочек. Надо правду сказать, Вовка сам больше походил на девочку и чаще предпочитал играть с ними, чем с ребятами.

— Не связывались еще с девочками,—опять возразил Левка,—они будут только мешать, не вынесут походной жизни.

Левка был вооружен с головы до ног. На правом боку висел в повенковой кобуре пугач, слева болтались две гранаты. Мальчик всерьез верил, что его гранаты, мастерски выструтанные палой из березовых чурок, лучше настоящих—ну во всяком случае очень, очень похожи на настоящие. К огорчению Левки некоторые девочки оспаривали это.

— Девочки пригодятся,—сказал Игорь и снисходительно улыбнулся.—Кашу будут варить.

— Сам ты кашу вари,—огрызнулась Веруська.—Кому достанется быть кашеваром, тот и будет варить.

Толька молча слушал. Ему давно хотелось вступить с ребятами в перебранку, даже смазать кого-нибудь по зубам, но он сдерживался, твердо помня, что командир роты обязан быть хоть и строгим, но сдержанным и справедливым. Толькин язык так и норовил затрещать. Юный комрот крепко закусывал губы и терпел.

Теперь все смотрели на него и ждали, что скажет комрот.

Толька оглядел ребят лукаво прищуренными глазами.

— Ну-ка, Маруська, поборись с Петькой.

Толька нарочно назвал самую крепкую девочку и самого слабого из ребят.

Петька надулся, как мыльный пузырь.

— Буду я с девочкой бороться, чего ей надо,—сказал он заносчиво.

— Пойборись, пойборись!—настоятельно потребовала рота.

Маруське дали ремень. Она туго подтянула животик.

— Ну ты, герой, держись!

Петька почувствовал на своем поясе сильные маруськины руки и, оттопырив большой палец, крепко упер его Маруське в бок.

Девочка рассердилась на лютыню каверзу, ловко дала ему подножку, и испуганный Петька растянулся на земле.

Ребяташки захопали:

— Ловко, Маруська, молодец!

— Да, она подножку дала,—оправдывался сконфуженный Петька, поднимаясь с земли.

— А ты зачем меня в бок пальцем?

— Ша!—сурово остановил перебравшихся ребят комрот Толька.—Товарищи, возражений нет против принятия девочек в роту?

— Нет!—разом отозвались все девочки.

Их поддержало несколько ребят. Остальные молчали, хмуρο переглядываясь друг с другом.

— Это что, подножку-то,—никан не мог успокоиться Петька.—Давай наперогонки, меня ни одна девочка не перогонит,—сказал он хвастливо.

Петька был отличным бегуном, легко взбирался на любой забор, как белка, лаза на самые высокие деревья. Мать так и говорила:

— Ой, Петька, сорнешься ты где-нибудь, сломишь себе голову.

Толька-комрот усмехнулся.

— Что ж, попробуем и бег. Ну-ка ты, Левка Крупицын, и ты, Веруська, беги! Толька опять схитрил: выбрал самого плохого бегуна—двухлетнего Левку—и лихую бегуныню Веруську.

Плутоватая лисья мордочка Веруськи засветилась улыбкой. Лева естал рядом с девочкой и недовольно сказал:

— Не бегай и еще с девочкой.

— Смотри, раньше команды не беги,—предупредил строго Толька,—аи до березы и обратно. Ну, готовься. Раз... Два... Три!

Вихрем сорвался Веруська с места, только голые загорелые икры сверкают. Лева далеко отстал.

Веруську встретили громкими криками, Леву—шутками. Особенно старались девочки.

Лева сконфуженно оправдывался:

— Да, у меня гранаты за поясом да револьвер, в них двадцать килограммов вее!

— Ой, Лева,—всклонила загорелыми ладошками смешливая Маруська,—как бы тридцать не набралось в твоих березовых чурках.

— Я тебя и без гранат обогно,—бахвалилась Веруська, блястя бойкими глазками.

Левка все еще не хотел сдаваться.

— Я еще две тарелки супу за обедом съел!

Левка прирал—мать с трудом заставила его съесть одну тарелку супу.

Толька призал к порядку свою разбушевавшуюся роту и подчеркнул сказав:

— Товарищи, я думаю, в нашей роте снайперов нет больше левачьих загибов. Девочки—также же граждане, как и мы, и вместе с нами вполне могут защищать Советский союз.

— Конечно!—горячо и дружно подхватили девочки.

— Не возражаю,—басом сказал Петька.

Вопрос был решен единогласно: девочки принимались в роту на одинаковых правах с мальчиками.

Ребята пропадали пельми днями. Прежде звонкий городок в лесу за лагерем, где жили семьи комсостава, теперь затаил.

Однажды толина мать спросила:

— Куда ты все пропадешь?

— Так,—уклончиво ответил Толька.

— То-есть как это так? Скоро в школу ходить, заниматься надо, а ты где-то целыми днями бегаешь.

Толька, прожевывая творог, важно и даже несколько таинственно сказал:

— Сейчас не до школы.

Мать улыбнулась презренной серьезности сынишки:

— Как это еще до школы? Чем же ты занят?

Толм не ответил. У него совсем другим забита голова. В отряде опять буз. Ребята кое-как достали фуражки военного образца: у кого своя была сипта, кто взял старую отцовскую. Петька с Мишкой к своим кепкам пришили красные звезды, и это в конце концов не алохо. Что ж делать, раз они еще не могут получить обмундирование у катера.

Бот как быть с девочками? Некоторые ребята прямо заявили, что если у девочек не будет фуражек, то в отряд их не примут. А кто им даст фуражки?

Толька даже вздохнул: как тяжело быть комротом!

С некоторыми наиболее сознательными ребятами из пионерорганизации Толька решил, что девочки могут быть и в красных косынках. Правда, был еще выход: прикрепить на рукава девочкам повязки с красным крестом, но девочки энергично запротестовали.

— Мы хотим драться с оружием в руках против социал-фашистов и мирового капитализма!

— Теперь уже нет Красного креста,—солидно заметила Веруська,—есть сестры РОКК, и они так же носят красноармейскую форму, только у них петлички зеленые.

Как после этого отказать девочкам? Верно, они имеют такое же право быть буржуев и социал-фашистов, как и ребята, значит, имеют право носить одинаковую с ними форму... Сегодня все это надо провести на собрании роты, чтоб больше никакой бузы не было...

Комрот наскоро проглотил последнюю ложку творогу.

— Мне некогда!—крикнул он уже на бегу.

Ребята охотно поддержали толькони предложение.

Некоторым нравилось, что хоть фуражками они будут отличаться от девок. Петька хотел было слегка побузить — комрот сурово остановил:

— Ша, Петька, красная косишка тебе страшна нашим врагам!

Спор был улажен.

Сегодня с раннего утра все детиски старше восьмилетнего возраста исчезли из лагерного городка.

Первой забеспокоилась левина мать — тетя Лиза. Побежала к толиной матери.

— У вас нет моего Левки? Я даже не заметила, когда он исчез: сели чай пить, хватились — а его нет.

— Мой Толька тоже куда-то пропал.

Не успели женщины похать, прибежала взволнованная верускина мать.

— У меня Веруська пропала. Весь лес обегала, нигде нет, словно сквозь землю провалилась.

Бежали маруськина мать, вювкина мать, петькина мать. Все очень тревожились о детях.

Толина мать первая сообразила:

— Беспокойтесь не о чем. Раз всех нет, значит ребята отправились куда-нибудь организовываться.

— Может они пошли землянику собирать? — предположила верускина мать.

— Да нет, врэд ли, Толя взял бы котелок, он всегда за ягодой с котелком ходит.

Решили подождать до обеда и, если ребята не явятся к обеду, ити разыскивать в лес.

К обеду никто из детей не явился. Матери не знали, что и думать.

В этот день дивизия проводила изыскания. Командир дивизии Степан Адрианович Калинин с группой посредников направился в южное расположение дивизии. Ехали верховыми. Сзади метрах в двухстах шел автомобиль комдива.

Подехали к лесу.

— Пройдемся пешком, — предложил комдив.

Всадники спешились и передали коней ординарцам. Калинин снял фуражку, потер разгоряченный потный лоб и только было шагнул на лесную опушку, как из кустов раздался звонок и, казалось, испуганный голос:

— Стой! Кто идет?

Из лесу в полной красноармейской форме высочил малыш и взял деревянное ружье на изготовку.

Все от неожиданности остановились.

— Я командир дивизии, товарищ, — с улыбкой сказал Степан Адрианович.

— Пароль? — нахмурился малыш.

Петька — это был он — прекрасно знал не только комдива, но и всех сопровождавших его, но сейчас никаких комдивов ему знать не полагалось: он стоит на посту, у него единственный начальник — комрот Толька Любимов.

Калинин виновато развел руками:

— Пароль я, товарищ, не знаю.

— Кругом! — грозно скамандовал Петька, наставляя штык (заостренный конец палики) на группу.

Коноплев — начоперод — небольшой сухонный человек, всегда желавший казаться на вершок больше, чем он был на самом деле, хотел было сделать Петьке выговор, Степан Адрианович остановил его глазами.

Маруська ловко дала подножку, Петька растянулся на земле

— Придется обойти, — с улыбкой сказал Калинин.

Коноплев повиновался, но, уходя, бросил на храброго маленького красноармейца не совсем дружелюбный взгляд. Начоперод находил неуместным присутствие на маневрах детисек. Все улыбаясь последовали за комдивом.

Пройдя опушкой шагов тридцать, комдив опять свернул в лес.

Из кустов тотчас же высунулось сначала деревянное ружье, потом нахлобученная на самые глаза красноармейская фуражка, потом весь боец. За посом у него торчал револьвер, с другого бока болтались две громадные гранаты.

— Стой! Пароль?

Малыч так громко крикнул, что даже сам испугался.

Крупицын узнал сынишку.

— Левка! — с изумлением вскрикнул он и засмеялся, но, встретив осуждающий взгляд начоперода Коноплева, Крупицын сконфуженно замолчал. Действительно, как отнесется комдив к этой неуместной шутке? Не дастся ли ему от Степана Адриановича за глупую левкин выходку?

— Товарищ, я командир дивизии, вы меня знаете? — сдерживая улыбку, спросил Калинин, обращаясь к Левке.

Левка покосился на отца и сердито сказал:

— Я не знаю никаких комдивов. Пароль!

Крупицын подошел к комдиву:

— Товарищ командир дивизии, разрешите переговорить с сорванцом, это — мой Левка.

— Я знаю, — улыбнулся Степан Адрианович, действительно знавший всех ребят в лагерях. — Хорошо, переговорите, только без отцовской строгости.

Крупицын остановился в двух шагах от сына.

— Левка, это товарищ Калинин, командир дивизии. Ты должен нас пропустить, и тебе ничего от твоего начальника не будет.

Левка неодобрительно и хмуро посмотрел на отца — и чего бузу порет?

Разве не понимает, что кроме ближайшего начальника Левка никого слушать не может?

Малыч тряхнул головой, чтобы направить налезающую ему на глаза отцовскую фуражку, исподлобья взглянул на отца, потом на комдива. Высылет ему теперь отец. Но дисциплина прежде всего. «И нечего бузить, сам должен понимать» — подумал Левка про отца.

— Пароль! — мрачно буркнул Левка и взялся за ручку гранаты: пусть только попробует сунуться.

— Ничего не подешаешь, товарищ исполняет свои обязанности правильно, — сказал Степан Адрианович серьезно.

— Давайте, поцемем другого прохода,

Крупицын хотел было мимходом ухватить Левку за ухо — малыши отшатнулись, выхватили из-за пояса гранату и, подавая страх, грозно крикнул:

— Кругом!

Комдив оглянулся, заметил намерение Крупицына и сухо сказал:

— Оставьте, товарищ Крупицын. —

Отойдя несколько шагов, проговорил, обращаясь ко всем: — Малыши выдумали хорошую игру и выполняют свое дело вполне добросовестно.

Калинин был уверен, что в нескольких шагах они опять встретят такого же стойкого бойца. Он догадывался, что ребята расставили вдоль опушки охранение. И несколько не удивился, когда, повернув в лес, Степан Адрианович прямо против себя увидел ошетилившегося ружьем собственного сынишку.

Комдив знал, что тут никакие разговоры не помогут: малыч к принятым на себя обязанностям всегда относился прекрасно.

— Товарищ, — сказал комдив, — вызовите вашего начальника.

Мишка всулил в рот два пальца и пронзительно свистнул. Толька, сидевший на верхушке огромной березы, уже заметил группу людей, вскоре распознал среди них и комдива, и отца, и левкиного отца и всех других. Быстро спустился с дерева.

Игра превращалась в настоящее большое дело

Виноен. Да бросьте их всех в тюрьму! На 21 год».

Горняки посмотрели на это представление и сказали:

«Ну, что ж! Если тот, кто организует союзы и забастовки и борется против голода и угнетения—большевик, то мы конечно большевик».

Они задумались над кукольным спектаклем и поняли, что есть на свете два сорта людей. С одной стороны стоят рабочие, их жены и дети. С другой стороны—хозяева угольных шахт, фабриканты и все остальные капиталисты вместе со своими судьями, полами, полицейскими.

И когда это хорошенько поймем мы, все рабочие, мы дадим этому кукольному театру и его хозяину, господину капиталисту, такого пинка, что они косточек не соберут. И все станет наше, и мы сами станем хозяевами нашей страны, как стали трудящиеся в Советском союзе.

Вот что рассказывает американским ребятам журнал «Новый пионер». Американские пионеры читают в своем журнале про голод и безработицу, про забастовки горняков и текстильщиков, про то, как работают коммунистическая партия и комсомол Америки. Тут не только статьи. Тут много интересных рассказов. Вот рассказ про Сакко и Ванцетти, которых казнили на электрическом стуле за то, что они боролись против капиталистов. Вот повесть про Джона Рида. Это был очень смелый человек. Его любил товарищ Ленин. Джон Рид как только узнал, что в России началась революция, приехал сюда из Америки и отправился на фронт воевать вместе с красной гвардией против белых. Он написал про нашу революцию прекрасную книгу—«Десять дней, которые потрясли мир». И поехал в Америку, ездил по всем городам и рассказывал рабочим о том, как победили в России большевики. В каждом городе его за это сажали в тюрьму. Потом он опять вернулся к

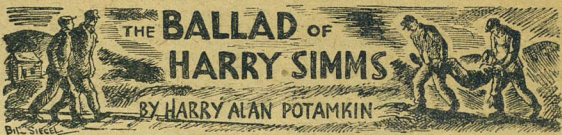
нам и здесь умер. Его похоронили на Красной площади под кремлевской стеной. На каменд над его могилой высечены слова:

ДЖОН РИД
Делегат III Интернационала
1920 г.

Рассказ про Джона Рида—очень хороший рассказ. А вот рассказ про девять безработных негров—молодых ребят,

которые сидят в американской тюрьме в камере смертников. В камере нет двери, а только решетка. За решеткой стоит электрический стул, на нем время от времени казнят кого-нибудь из рабочих. И девять молодых негров знают, что скоро придет их очередь, и капиталисты сожгут их на этом же стуле.

В другом номере журнала американские пионеры читают про комсомольца Гарри Симса, который недавно еще был пионером. Его убили в Кентукки за то, что он боролся с хозяевами угольных шахт. В журнале «Пионер» про него написана хорошая песня:

Баллада о Гарри Симс

В холодный зимний день он пал
От вражеской руки.
Любили крепко парня
Селье горняки.
Пустился Гарри утром в путь,
Он шел и Густым Кустам.
С хорошей речью он спешил
На митинг и горнякам.
Ивет по шалам Гарри Симс,
А с ним товарищ Грин.
— Постою, я слышу стук колес,—
Заметил вдруг один.
Дрезина мчит по путям,
Они сошли со шпал.
Дрезина стала. Выстрел, крик,—
И Гарри Симс упал.
Рокфеллер нанял двух убийц,—
И вот готово дело.
В наручниках товарищ Грин,
И пуля просвистела.

Не сразу умер Гарри Симс,
За часом час хлестала
На землю молодая кровь,
И вот его не стало.
Остыло сердце навсегда,
И красной стала сплывать.
Ты умер, наш хороший друг,
Но мы не станем плакать.
Твоею кровью, Гарри Симс,
Пылают наше знамя.
Мы в каждой шахте разожжем
Твое, товарищ, пламя!

Мы требуем
мяса, молока,
хлеба!!!...

Всякому понятно, что журнал «Новый пионер» читают рабочие ребята.

Недавно в городе Тампе в штате Флориды судили тринадцатилетнего мальчика Веспера Ромеро. Веспер устроил забастовку в школе, и ребята соединились к своим отцам—забастовщикам с табачных фабрик. На суде Веспера спросили:

— Это правда, что ты продаешь ребятам журнал «Новый пионер» и газету «Дейли воркерс»?

— Правда.
— Если ты обещаешь ходить в церковь и продавать вместо «Пионера» бойскаутские журналы, мы тебя освободим. Но Веспер Ромеро заявил:

— Бойскаутские журналы продавайте вы, капиталисты. А я буду продавать только наш журнал «Пионер». И в церковь не пойду.

Судья приговорил его к году заключения в исправительном доме.

Американские рабочие ребята любят свой журнал, дерутся за него и с полицией и учителями. Они не только чита-

ют «Пионер», они пишут в свой журнал про свою жизнь.

«Я—девочка, мне 10 лет,—пишет пионерка из Огайо.—На-днях в школе во время урока географии учительница велела одному мальчику рассказать про Россию.

Мальчик сказал:
— Этим летом мы с папой уедем в Россию.

— Почему это вы поедете в Россию?—спросила учительница.

— Потому что там рабочим хорошо живется, и у всех есть работа. А тут мы голодаем.

— В Советском союзе очень плохо,—сказала учительница.

Тогда я вытащила из сумки номер журнала «СССР на стройке». И все ребята смотрели этот журнал, покамест учительница не выгнала меня из класса.

А это письмо написал Вальтер Стенрос из города, который называется Севастополем. В Америке есть много городов с русскими названиями.

«Я жил летом в пионерском лагере. Утром мы пели пионерские песни, вели беседы. Потом занимались, обедали, зажигали костер. Один раз мы отправились гулять на Фельтошские Поля. Мы хотели поплавать в пруду. Заплагили по десять центов за билет и уже начали раздеваться. Вдруг хозяин пруда заметил, что среди нас есть двое негров. Он сказал:

— Черным нельзя купаться в моем пруду.

Тогда мы потребовали назад свои деньги и ушли, потому что мы—пионеры, у нас нет разницы между белыми и черными, мы все—рабочие ребята и должны стоять друг за друга».

Ребята рассказывают в своих письмах, как они участвуют в забастовках, в стычках с полицией, как собирают деньги и обувь для голодных походов.

Один рассказывает, как устроить змею для демонстрации. Демонстрация идет, а над ней летит змея. А на змее парисована рожа капиталиста. Ребята пишут на бумажках большими буквами: «Долой! Долой!» и посылают эти телеграммы вверх по нитке капиталисту, который нарисован на змее.

А некоторые присылают в журнал свои рисунки и стихи. Вот очень хорошее стихотворение Альберта Олли:

Хотел бы я знать, когда Левину было
десять,
Всегда он причисывался и чистил башмаки?

Всегда ли тихо затворял за собой
двери?

Или он, как мы, говорил: «Ну еще минутку»,—

Когда его мама посылала спать?

На картинке он большой и высокий,
Сильный такой.

Неужели он был небольшого роста,
Когда вел большевиков в бой?

Лучшие пролетарские художники Америки дают свои рисунки для журнала «Новый пионер». Мы помещаем здесь несколько таких рисунков.

Американским ребятам очень интересно, как живут дети в Советском союзе.

Ребята! Кто из вас хочет быть корреспондентом американского журнала «Новый пионер»?

Это очень просто.

Напишите большое подробное письмо про свой отряд, про свою школу, про свой завод или колхоз. Положите это письмо в конверт, напишите на конверте адрес: «Москва, Новая площадь, 10, редакция «Пионера».

Мы получим ваше письмо, переведем его на английский язык и пошлем вместе с вашим письмом и вашими рисунками в Америку в редакцию журнала «Новый пионер». «Новый пионер» напечатает ваши письма и пришлет нам номер журнала. А мы тогда расскажем про новых корреспондентов журнала «Новый пионер» и дадим ответы американских ребят. Посылайте письма без марок. Первую пачку писем мы хотим отправить в Америку не позже первого августа.

NEW PIONEER

APRIL 1932

5¢

Обложки американского

NEW PIONEER

MAY 1932

5¢

журнала «Пионер»

NEW PIONEER

MARCH 1932

ЛАГЕРНАЯ

За речкою, за быстрою—
Плывай, костер!
Сверкающими брызгами
Лети в простор.

Веселей лейся,
Каждый звук—
Молодую песню
Слушай, луг!

Из лагеря зеленого,
Что лег в садах,
Мы шумно колуюню
Прили сюда.

Целый день у речки,
Гольшом,—
Заналились плечи
Хорошо.

И рощами и силованами
Прошли не раз.
Мы дышим грудью полною
Здесь каждый час.

Детям пятилетки—
Первый труд:
Ходим на разведки
Трав и руд.

Вокруг немало кроется
Больших богатств.
И мы идем на поиски—
Наш зорек глаз.

Помогай Союзу,
Мал и стар—
Дорог каждый узел,
Каждый удар!

На Западе все „отлично“

Очерк ЭЛЬВИН

У мастера Вальбура—уроненца взгляд на вещи. Мистер Вальбур испугался невольно на какой-то благотворительной конференции в Филадельфии. Филадельфия—это один из самых крупных торговых городов Соединенных штатов. А мистер Вальбур—это не мелочь это—министр внутренних дел этой страны. Ему надоедают всевозможные безработный и вообще заботы о гражданах. Но мистер Вальбуру вредно впаиваются и он знает, что, в сущности все «отлично» (отлично). Вот что сказал на конференции мистер министр.

Наше, в условиях упадка хозяйственной деятельности (по-нашему просто кризиса...—И. З.), положение детей особенно является значительно лучшим, нежели прежде. В самом деле, благодаря наличию очень большого количества свободного времени, вывешенного безработными, родители имеют возможность уделять своим детям значительно больше внимания.

А другой—мистер Дамес Хэнтон Мир, гордо Филадельфия, тут же подхватил его высокопарноинтеллигентно, господствуя минутами.

У нас в Филадельфии вообще не наблюдается явлений, которое зовется голодом, ни в какой-либо из окрестных районов. А также—не являющаяся голодом, голодующая, ухаживающая за своими детьми Америка.

...и сын министра-фашиста всегда доносит унителю

рис. В. ИОНОВАЛОВА

«Мечтательные Колумбы! Им сумели бы хорошо осветить Эдгит Шнейер, сколько ни одной из школ города Филадельфии».

— Но например я только бы мне в свое заглавие на местной газете, правда печатать такую малосмысленную букашку, но задорная, как факт, не имеющий никакого значения!

— Говорил Гант, 28 лет, покончил с собой и с тремя своими детьми в год ареста, как же вы в течение долгого времени искал работу, не находил ее. Вот умерла ее мать, Дюжи—5 лет, Дуглас—3 лет, Ирена—8 лет. Случайно это произошло в пятницу 20 мая 1932 г.

Затем Эдгит Шнейер мог бы сослаться на одного работника Мексико, который обследовал 78 квартир одного из западных районов Филадельфии, при чем в 38 квартирах не оказалось ни одного ребенка, который имеет бы какую-нибудь работу. Семья в 6—8 лет жила на 5 дол. в неделю, выдвигая жалобным голосом возмущенные заявления.

Этот же товарищ живет в Юной Филадельфии, где жила еще больше, детей в 7 или 10 лет, которые занимались тем, что собирали на улицах обрывки бумаги и тряпки, за которые они получают на бумажных фабриках жалкие гроши, чтобы как-нибудь поддержать себя и своих родителей.

О да, Эдгит Шнейер мог бы рассказать еще много этих вещей «Колумбы», если бы, те сами не знали этого, хотя приворожить, будто ее «Эдгит».

Приторговать же он и для того, чтобы обмануть массы, убедить их поугае заглянуть кушанья и, положившись на богатство капитализма, безработию отогнать.

Вот что пишет товарищ Эдгит: «Я хочу рассказать вам о том, что случилось нас в Америке».

Несколько дней назад шел урон географии. Речь шла об этой стране (т. е. Америке). Учительница спросила: — Почему мы все эти люди презирают в Америку?

— Я знаю почему,—сказала Бетти,— потому что Америка—самая лучшая страна.

— Вот это хорошо сказано!—обратилась учительница. Рассмеялась и другая ученица. Я подняла руку.

Учительница спросила, что мне надо. Я сказала: — Америка—не самая лучшая страна, потому что очень многие люди в нашей стране не имеют никакой работы.

Учительница спросила: — А почему ты это знаешь? — Потому что мой отец безработный, —ответила я. Учительница рассердилась и крикнула: —Сидишь!

Когда урон кончился, ко мне подошла несколько девочек и сказали мне: — Это ты хорошо их осветил.

Тогда я стала рассказывать им про журнал «Новый пионер и про пионеров вообще: три девочки тут же поинтересовались журналы. Я думаю, что пионеры будут последовать моему примеру.

Безусловно последуют все пионеры Соединенных штатов, они не позволяют Нишаго Рейна в Германии.

Они борются за то, чтобы стать большой массовой организацией ребят и тоже, особенно при Советской России.

Пример хорошей работы дает пионер Никитин, оставивший 16—17 апреля.

На государственном открытии присутствовало 1.200 юных пионеров и неорганизованных ребят. Было бы больше, если бы не перебрало дождика и некуда было разместить вышедшие пионеры.

Не обольщайтесь заместителями полиции, которой конечно мало удается успехи революционной диктатуры страны.

Полиция запретила пионером исполнение разных гимнов пионерской группы под тем предлогом, что в этих гиммах высмеивается полиция и капитализм.

На следующий день состоялся широким детским конференция с участием «старших» советских (капозов социал-фашистской организации), а после конференции было устроено шествие, в котором приняла участие 1.500 детей и 1.000 взрослых. Между прочим все шествие было запрещены полицией.

А вот перед нами первые данные о результатах вербовки детей массовых вражеских организаций. За январь и фев-

врабрь 1932 г. по Саксонии в провинциально организованно 53 члена «красных союзов» (арбона-фашистской дет. соц. организации), 37 членов христианских союзов, 4 на фашистских организациях и 17 на буржуазных спортивных организациях. В Тюрингии—15 «красных союзов», 2 фашиста и 36 ребят на спортивный союзов.

Очень плохи результаты по Рурской области, где зарегистрировано всего 5 детей из вражеских организаций (3 членов «красных союзов» и 2—из христианского союза), немногим лучше в Южной Баварии: 2 чл.

В общей же сложности по части Германии получаем:

«красных союзов» завербовано	141
Христианских религиозных ребят	113
Из спортивного	222
Фашистов	10
Всего	486

Эти данные очень неточны (их сообщают учителя немецких школ «Барбары»). Но и они говорят о том, что ребята среди часов враждебных им союзов развернутой еще очень слабо и что в эту точку надо быть осторожн, ибо мало забыть от этого не только советскому, ему удалось все время бороться и добиваться своих результатов.

Особенно интенсивную работу ведут среди пионеры, которые выделены как капиталистов по различным разрозненным методам агитации этих врагов и риска—это лица клеветы на Советский Союз, в частности на подрастающих советских детей, которые они рисуют самыми злыми врагами.

Особенно изощряется сама персона «Политический» враждебности—пи пионеры.

По заявлению его погонной газеты, назовем «Оксфордской» религиозной, которая принадлежит какой-либо из разрозненных с большевиками-бездельниками, в настоящее время в Советском союзе существует не много, ни мало 9 млн. беспризорных детей, которые, говоря, что каждый третий или четвертый мальчик нем деточка—беспризорник. «Политик» попутными текстами наводит города, коими эти дети являются пера и разбросаны.

Пол Хэнтон сообщает в Америке с проповедями, рассказывая о том, как в одном русском городе (предусмотрительно называемый) советские власти заминировали 1.200 тысячю русских детей в одно помещение, где все до одного перестреляли.

Завоевший враг СССР—поп Мукерман—орудует по частям такой же сумасшедшей жаж. Он говорит например, что в советских детлах детей атакуют до смерти, могут и проинвентаризировать своим лодом, оставают раздетыми на 30-градусном морозе, и т. д. и т. п. Слово он рассказывает любые ужасы, которыми он расказывает о своих сочинить его фантазия.

Ловить пионеров на их мерзкой клеветы на их лиц, на их габукообразной

пропаганды агитации научился уже много из немецких школьника, среди которых еще больше ширится сила.

Вот пример—один из многих—пробуждения детей от религиозного дурачества, которые обольщаются пионеры и капиталисты.

Немецкий конкорд из Брауншвейга пишет в «Фарбаузе»: «Я посетил христианскую школу. За исключением организации (8 членов) учителя—национал-фашист, гитарист, и он заставляет нас ежедневно молиться перед началом занятий. Если кто-нибудь не станет молиться, то ему не пойдуровится. Мой друг решил не хотеть молиться. В нашем классе занимается также сын Кассина (Кассинс—брауншвейгской аристократии, старый фашист), и он всякий раз выдает моего приятеля, когда тот притворяется, будто произносит молитву, а на самом деле тайком смеется. Моему товарищу приходится в таких случаях лгать, его избивают и учителя и ректор школы».

И собираясь кончить с уроками и религией. Я сообщаю об этом родителям. Так должны поступить все рабочие страны. Мы должны вступить в ряды юных пионеров и бороться с враждебными погонями и с религией, которую навязывают пионеры и фашисты».

Самым суровым образцом зарезанной Кассе бы то было разрозненные организации в Финляндии, в том числе пионерские. Запрещено также издание пионерских журналов. Но революционные рабочие не сложили оружия. Они работают неустойчиво и издавали всевозможную коммунистическую пропаганду.

Пионеры—тоже. Они не желают создавать своих погоний. Они продолжают работать, несмотря на террор капиталистов.

Об этом говорит письмо пионеров финляндской столицы—Гельсингфорса: «Мы издали свой журнал и хотели издавать его учителям. В нашем журнале мы, пионеры, признаем организацию пионерской во всех школах и вводить в пионерорганизацию. Среди нас издается журнал пионеров в рупек члена финляндского союза «Насос Войма», и это конечно немедленно рассказало об этом учителям, чтобы наказать нас».

Учитель рассказал про учеников и ввязался за погонки. Учитель у одного из учеников был обнаружен всевозможный журнал. Записки пионеры направили.

Учитель начал диктовать, что необходимо издавать пионерский журнал, а потому-де надо указать на том, как эти журналы составляют. Когда же он увидел, что пионер не удалось, он рассердился и заревел: — Скажете мне, чорт злодей, кто такие выеши, которая издает эти контрабанды?

Ничего не ответил ни слова.

И пошло он на кричал, нас же выдидит.

Тогда учитель позвал трех погонийских, которые в течение двух часов поприказали всех учеников. И все-таки пионеры не узнали, кто знает в школу эти листы».

А в этот день, в нашу группу поступило письмо из учеников.

...попытки в течение двух часов допрашивать всех учеников

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Переплет веток деревьев на фоне коста.

Качаются верхушки деревьев.
Кинит на костре кофейник.
Печется картофель.
На короточках сидят скауты.
Капитан Конверверт говорит:
— Я расскажу сегодня о России и пионерах, мальчики...

Гебри Джиб подбрасывает в костер новые ветки.

На ветке сидит сова.
— В этой зловещей и кровавой стране...

говорит капитан.
Дальше идет мультипликация.

Улицы, состоящая из церквей и изб.
Идут «пионеры».

Их можно узнать разве только по галстукам.

Зловещие лица, кривые ножи, косматые бороды.

Идет старушка с корзиной. «Пионеры» набрасываются на нее.

Опинаяют корзину. В ней—яблоки. Они едят, отбрасывая половину.

Один из них выковырял содержимое блока, насыпал внутрь пороха.

Написал—«бомба».

Размахнулся и бросил в церковь.

Взрыв.
«Пионеры» гуськом пошли в школу.

Учитель—негр.
Он вызвал одного из них к доске.

Кривым ножом отрезал голову и стал объяснять по ней, как по глагоусу.

По улице идет скаут. У него ангельское лицо и крылья.

Негр высунул в окно.
Показал пальцем. Выбежал пионер-барabanчик.

Череп—барaban. Палочки—берцовые кости.

Ударил сбор. «Пионеры» превратились в гончих и бросаясь в догонку.

Здесь конец мультипликации.

Говорит капитан:
— Коммунисты хотят, чтобы в нашей божьей стране было так, как я вам сейчас рассказал.

В комнате Тома много народу.

Здесь все известные нам мальчики, Мак и несколько взрослых. Том держит письмо из Москвы.

Покачивается керосиновая лампа, подвешенная к электрическому патрону.

Читает Том:
«Я уже пять месяцев в Москве. Мы живем в новом доме, который построил для своих рабочих автомобильный завод».

Москва.

Высокие, светлосерые корпуса.
Чистые длинные коридоры. Сверкающие на солнце широкие окна. Великолепная газовая ванна. Кухня, электрические бытовые приборы.

Читает Том:
«Я учусь в англо-американской школе».

Стекло. Бетонный фасад 44-й школы в Ленинграде (где была международная

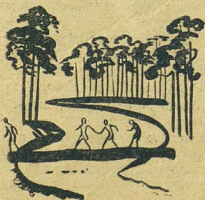
Они превратились в гончих

Бег по пересеченной местности начался

Путь дедала через речку

...все же бег продолжался

В прекрасном классе урок.

«Нас учит негр—тов. Робинсон...»
Тов. Робинсон ведет урок в англо-американской школе в Москве.

«Мы не учим библию...»
Мальчики стоят у токарных станков.

В классе-кехе, залитом солнцем.
Блестит кафель пола.

«Мой отец работает на большом автомобильном заводе. Он говорит, что завод не уступает заводам Генри Форда, а думаю, что он лучше, потому что он принадлежит самим рабочим...»

Корпуса нового АМО.

«Зеленые» пеки. Сходит с конвейера новый автобус. Читает Том.

Затемнение.

«В канун дня, данного в благодарность», школа приобретает праздничный вид.

На площадке перед школой стирает старик-негр.

Проходят скауты, развиваются ленточки.

Мистер Торренс сидит перед зеркалом и старательно завязывает галстук.

Длинной цепочкой пробегает мальчики и скрываются в парке.

Проходит Том и Джек Вильсон. Они здороваются с негром.

«Здравствуйте, дядя Сам, как ваша поясница сегодня?»

Улыбается негр. Он вынимает из кофты и выжимает звездный и полосатый американский флаг, который он стирал.

«Благодарю вас, ребята. Помогите мне его повесить на флашток...»
Флаг поднимается по канату.

На крыше Майк, Том, Фор и старик-негр.

Играет оркестр. Выше идут скауты.

Говорит негр:
— Завтра мистер Торренс будет по радио говорить речь о большевиках.

Мистер Торренс завтракает.

С котлетой на вилке, он жестикулирует, принимает актерские позы и извергает бурные потоки красноречия.

Он громит Россию—эту страну безбожия и принудительного труда. Завтра это будет темой его большой политической речи по радио.

Мальчики слезли с крыши. Они подошли к группе мальчиков во дворе.

Майк спросил:
— Будете ли вы завтра бежать кросс, ребята?

Один из мальчиков ответил:
— Конечно будем, но только своей командой. И мы назовем ее АМО, в честь того завода, о котором писал нам Джекки.

Мальчики прошли мимо кабинета мистера Торренса.

На матовом стекле двери черным силуэтом видна фигура директора школы.

В позе античного оратора.
Том неожиданно спросил:
— Он завтра говорит по радио?

Фор утвердительно кивнул головой.

Том хлопнул себя по лбу, перепрыгнул через стол, приглашающе махнул рукой и бросился бежать через площадку.

У ворот стоял Гебри Джиб. Нагнувшись, он завязывал ботинки.

Том перепрыгнул через него, как в чердаке. За ним Фор и Майк.

Говри выпрямился и, глядя им вслед, со злобой погрозил кулаком.

Конец пятой части

Читатель! Что будет завтра? Что говорят Том и его друзья? Как сплочится картина,— плохо или хорошо,—все это ты узнаешь из последней, шестой части.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Наступил день праздника. Блистающий звездами и полосами, развевается на флагишке американский флаг.

На солнце блестят медные и никелированные трубы школьного оркестра.

Трибуны на школьной площадке заняты гостями, пришедшими посмотреть на ежегодное спортивное состязание, среди них—мальчики школы.

Гости—это братья, сестры и родители мальчиков.

Так же как и в классе, здесь, отчетливо выражена социальная дифференциация гостей.

Мы узнаем в толпе все персонажи, которые мы встречали в этой картине.

Публика отгорожена от старта толстым канатом.

На площадке бегают мальчики.

Они волнуются перед началом кросс-контри, их полосатые майки мелькают в толпе на площадке между ветвями деревьев.

У дверей аккуратного домика радиостудии стоит мистер Торренс.

Он—в черном глухом сюртуке, под его массивной выдвинутой челюстью блестит ослепительный воротничок.

Радостно светит солнце. В дудке на улице купается утка с утятами. Звонит мистер Торренс.

Открывается дверь. Он входит внутрь. Закрывается дверь за Джеком Вильсоном. Он пошел в комнату Тома.

Над столиком у окна наклонился Том. Он что-то мастерит. Рядом Майк, который ему помогает. Мальчики не обращают на Джека никакого внимания.

Он спрашивает:

— Ну что, готово?

Майк и Том берутся с радиочастями. Джек говорит:

— Я удраа на минуту, сейчас старт...

У него под пиджаком видны полосы майки.

Том оборачивается. Он показывает на повешеный микрофон, стоящий на столе.

Улыбается Джек.

Перед проведенной на песке линией выстроилось 20 мальчиков. Это—две команды. Команда скаутов «Белый лось» в белых и команда АМО в полосатых майках.

Книгтана еще нет.

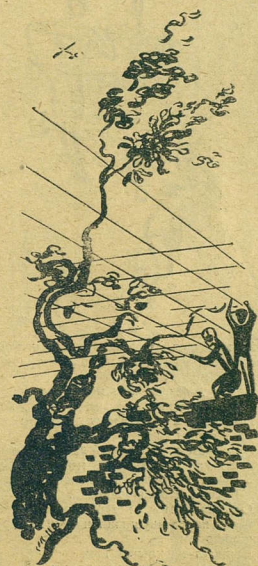
В радиостудии, пустой комнате, обтянутой материей, несколько ступней, микрофон на треножке, роуль, духовные инструменты. Перед микрофоном—директор, свитинский мужчина с очень густыми бровями.

Мистер Торренс скупает, сидя в углу. У него в руках № 4.

Рядом с ним—уже немолодая девушка в закрытом платье «тейлор», вероятно,

Поет мисс Офелия Симпер

Они соединятся с одним из проводов

но, она стенографистка или учительница чистописания в школе для девочек.

Она горда и победоносна. В ее руках табличка № 2.

По знаку, данному директором, она поднимается со стула и идет к микрофону:

— Алло, Алло, Алло! Сейчас мисс Офелия Симпер споет песню «Не бросайте мой труп в степи пустой, где дикий койот будет вить надо мной».

Мистер Торренс скупает в углу. Он проглядывает тезисы своей громовой речи и тоскливо поглядывает на певицу. Вдоль школьной ограды бежит Джек Вильсон.

Он во-время влетает во двор. Капитан Конверверт лодил кнерху маленького револьвера.

Мальчик стоит на одном колене, опираясь пальцами рук о землю. Джек бросает находку индьяк и штаны в публику и буквально бросается на одно колено как раз в тот момент, когда мистер Конверверт стреляет в воздух.

Мальчики побежали за школьные ворота, на дорогу, уходящую в лес. И скрылись за деревьями.

Бег по пересеченной местности начался.

Поет мисс Офелия Симпер. Репродуктор на площадке школы. Публика снисходительно выслаушивает просьбу мисс Офелии «не бросать ее в глухой степи».

На крыше домика Мака—густая паутина проводов, идущих от радиостудии. Том и Майк на крыше.

Они скрыты большими ветвями растущего перед домом дуба.

Том возится в проводах. На голове у него наушники.

Он соединяется с одним из проводов. Дв. экспоз. На наушниках возникает мисс Офелия, поющая перед микрофоном.

Кивнул головой Том. Сказал Майку: — Этот провод идет на радиостанцию.

Репродуктор на перекрестке.

В лесу.

Двумя командами бегут мальчики. «Амощцы» отстают.

Команда скаутов впереди. Дорогу пересекает быстрый и широкий ручей.

Через него переброшено бревно.

Один из мальчиков обращается на бегу к Джеку Вильсоному:

— У Тома все в порядке?

Кивает головой Джек.

Эта вещь быстро облетает «амощцы». Команда Бонни в 200 метрах впереди. Бонни первым вступил на бревно и перешел на ту сторону.

За ним—остальные мальчики.

На трибунах жарко.

Продают трубочки с мороженым и газированную воду.

Директор на радиостанции подходит к микрофону.

Репродукторы на трибунах, на перекрестке.

Говорит директор:

— Алло, Алло, Алло! Сейчас мистер Иеремия Эвергрин исполнит на тирольском рожке арию «Кажется мне тот край, где перник цветет».

Улыбый, с обвисшими усами, клерк подходит к микрофону.

Он отдает директору табличку № 3 и вынимает из футляра свой тирольский рожок.

Бонни и скауты перешли бревно.

Приближаются «амовцы».

Бонни, Джиб и еще несколько скаутов сталкивают бревно в воду.

Путь дальше отрезан.

Бонни кричит бегунам:

— Что передать вашим сестрам и невестам на трибунах?

«Амовцы» быстро снимают туфли.

Скауты снова ушли в лес.

Плывут через ручей «амовцы».

Их противники далеко впереди.

Переплывает последним Питер Кайген.

Мальчики углубляются в лес.

В лесу тень, прохладно.

Бегут мальчики-скауты.

На трибунах оживление.

Репродуктор передает страдание мистера Иеремии Эвергринна.

Мальчики дежурят у ворот и на дороге для того, чтобы первыми заметить приближение к финишу.

Бегут мальчики.

Дорога идет в гору.

Скауты добежали до разветвления двух дорог.

Флажки указывают маршрут по одной из них.

— Стоп! —

кричит Бонни. Он оглядывается и говорит скаутам:

— Мы побегим сейчас не по дороге, а напрямик, это еще большие сократит нам время.

Радиостудия.

Мистер Иеремия Эвергринн прячет свой тирольский рожок в футляр.

На крыше сидит Том—на нем наушники. В руках у него конец провода.

Майк в комнате возится с микрофоном.

На столе перед ним склеенное письмо со штампом «Москва».

«Амовцы» добежали до разветвления. Ветер слабо шевелит флажок, указывающий маршрут.

Джек Вильсон махнул, и мальчики побежали по дороге.

Лес. Болото.

Увязая в грязи, идут скауты.

Они устали и уже не надеются на победу.

Только бы выйти из этого проклятого болота!

Генри Джиб ругается с Бонни.

Джек и остальные ребята подбегают к невысокому забору.

Флажки идут дальше.

Мальчики удивлены отсутствием скаутов.

Они переглядываются, смотрят на флажки. Все правильно.

Из небольшой рощицы выходят, по колени в грязи, скауты.

Они даже не бегут. Они идут к забору.

Ликуя, Питер Кайген и Фор лезут через забор.

Широкая дорога ведет к городу, он уже виден издали.

Бегут мальчики.

Скауты в отчаянии стоят перед забором.

Они так утомлены, что не могут перелезть через него.

Приближается команда АМО.

Далеко позади маячат скауты.

— Я расскажу вам о России, об этой зеленещей и кровавой стране принудительного труда...

— с пафосом говорит мистер Торренс.

Слушают дамы на трибунах. Иронически ухмыляется Мак Эванс.

Том трижды стучит в крышу дома. Майк поднял вверх голову. Он услышал сигнал.

Торренс продолжает:

— Мальчики моей школы получили отуда письмо; в нем яркими красками обрисованы ужасы советского режима.

Том разрезал ножницами провод и присоединил свой.

Вбегает в город команда АМО.

Они уже бегут вдоль данной школьной ограды.

На трибунах—крайнее возбуждение. Натянута шерстяная нитка финиша.

В комнате Тома Майк внятно читает в микрофон:

— Здесь в Москве и вообще в СССР работают все, и мой отец не был без работы и дня.

Декламирует Торренс.

Раз'единие провода.

Джек Вильсон и Фор разорвали нитку финиша.

Дирижер оркестра поднял палочку. Сейчас будет туш, но вдруг палочка замерла в воздухе. Мистер Торренс детскими голосом говорит из репродуктора:

— Мой отец сейчас ударник, две недели назад его выбрали членом Московского совета, а летом мы поедем с ним на курорт, на берег моря...

Остолбенели дамы.

Радостные лица команды АМО.

Мак перелез через барьер и радостно жмет им руки.

Недоуменные трубы оркестра Декламирует Торренс.

Висит конец провода.

Том в наушниках держит соединение. Дв. экспоз. Майк читает письмо.

Репродуктор:

— В СССР, я скажу вам, ребята,— хорошая жизнь.

Пролетарская часть публики хлынула к репродуктору.

Мак влез на стол.

На площадке прибежали скауты.

Крикнул Майк:

— Да здравствует наша команда АМО! Гип, гип, ура!!!

Торренс отирает пот; он кончил свою речь.

На столбе висит американский флаг. Под ним—Мак Эванс.

Он окружен пустой толпой мальчиков, родителей, зрителей.

Покидают площадку учителя, школьницы, дамы, родители скаутов.

За воротами их ждут автомобили.

Говорит Майк:

— Мы сегодня видели вашу победу. Ребята, пусть этот день повторяется еще много раз до тех пор,

пока не перестанут существовать скауты, фашисты, капиталисты. До тех пор, пока над школами не перестанет развеваться этот флаг...

На флашголке, выстиранный и блистающий всеми звездами и полосами, бьется по ветру флаг.

Подсаживая друг друга, они начинают преодолевать это слишком трудное для них препятствие.

Бегит Джек, за ним мальчики.

В радиостудии.

Подходит к микрофону директор

Он говорит:

— Наш уважаемый директор школы для мальчиков, мистер Арчибальд Торренс, произнесет речь о России и большевиках...

Откашливается мистер Торренс.

Майк надел наушники и стоит перед микрофоном.

Слушает на крыше Том.

Слушают на трибунах гости:

— Леди и джентльмены! Все честные американцы... —

— говорит Торренс.

Корабль Пшундары

Черк Эшштейна

Рис. ПОРОШИНА

Роль и значение оленя в жизни малых народов Севера примерно таковы же, как и верблюда для жителей пустыни. Существование человека в тундре немалосложно без оленя. От него здесь все: пища, одежда, жилище, материал для изготовления промысловых орудий; олень — единственная возможность пережить зиму.

Северный олень располагает огромными внутренними ресурсами, и ценность «корабля тундр» тем больше, чем полнее эти ресурсы используются.

Мясо оленя, необычайно вкусное, питательное и нежное, запоминает лучшую дичь и весьма высоко ценится за границей. И когда мы впервые вывели оленю в качестве экспортного товара, она сразу же имела обеспеченный сбыт. К сожалению убой оленей производится в таких условиях, что мясо используется далеко не полностью.

Объясняется это следующим: массовый убой оленей происходит в сентябре — октябре, когда шкура имеет наибольшую ценность. В это время года стада находятся вдали от жилищ оленеводов.

Убий оленя, лопарь не может везти туши на большие расстояния, тем более, что морозов в сентябре еще нет и мясо быстро портится. Поэтому, вырезав для себя лучшие куски, оленевод остальное бросает собакам или оставляет в тундре.

Полнее всего и без остатка используется оленья шкура. Из нее делают жилище, так называемые «чумы» и «куваксы» — шалаши, покрытые шкурой, лопари шьют из нее теплую одежду — «малычи» и меховые сапоги — «пимы», перчатки и шапки-ушанки. Из шкуры же готовится замша — хороший сорт кожи, идущий на изготовление перчаток, сумок, верхней одежды и т. д. Для получения замши с шкуры снимается шерсть, которая в свою очередь используется для набивки спасательных кругов, матрацов и на вязку носков. Из рогов, копыт и костей оленя делается промысловое оружие, а сухожилия используются как нитки.

До того времени, пока олень не был приручен, племена, населявшие Север, были лишены возможности пережить зиму. Кольского полуострова: поэтому их основным занятием оставался морской промысел. Первоначально рыбаки, приручив оленя, использовали его прежде всего как тяговую силу. При этом в качестве повозки первоначально фигурировала та же самая «посуда», из которой они переживали по воде. С течением времени она видоизменялась и приняла теперешний вид легких саней, впрочем мало устойчивых и мало удовлетворяющих путешественников, при-

выжших к более совершенным средствам передвижения.

Оленеводством на Мурмане истари занимаются лопари — один из малых народов Севера. Но так как оленеводство не было их главным и единственным занятием, они смотрели на него как на подсобное и не уделяли ему достаточного внимания. На сезон рыбной ловли лопари выпускали оленей в тундру, оставляя их без всякого присмотра; и вновь собирая осенью. Оленья стада без помощи пастуха не может отыскать хорошее пастбище. И вередко бывает так, что олени топчутся на давно использованном выпасе, сбиваясь в кучу, в то время как где-то совсем близко есть великолепное пастбище, еще совершенно нетронутое.

Самый жестокий враг оленя в тундре, более для него страшный, чем даже

ИЗ ОЛЕНЬЕЙ ШКУРЫ ДЕЛАЮТ:

МЕХОВЫЕ САПОГИ ПИМЫ

ШАПКИ-УШАН И ТЕПЛАЯ ОДЕЖДА-МАЛЫЧИ

ПЕРЧАТКИ

волк, — это овод, являющийся подлинным вредителем заповирного животноводства. На шкуре оленя овод откладывает личинки, отчего образуются язвы-сини, причиняющие оленю мучительную боль и портящие шкуру, так как из нее образуются дыры и она теряет свою ценность.

Престудейный оводами, олень мечется, как безумный, по тундре, измучен и ослабевает.

Немалый ущерб причиняют оленеводу так называемые «дикари», т. е. дикие олени. Достаточное количество в отсутствие человека у стада пасущихся оленей «дикарю», как тогда часть животных отделяется и уходит за «дикарем» куда-нибудь в глубины тундры, в недоступные места.

До появления на Мурмане представителей другого северного племени — зырян-ичемцев, пришедших с Печоры, со своими стадами и пастухами — самоедами, здесь было совсем мало оленей. Когда же пришли опытные оленеводы-ичемцы, картина резко изменилась, и оленья стада стало заметно увеличиваться из года в год. Накануне империалистической войны здесь насчитывалось уже 74 тыс. голов. Это был год наибольшего расцвета оленеводства на Мурмане, ибо непосредственно вслед за ним наступал длительный период упадка.

Первый удар оленеводству был нанесен постройкой Мурманской железной дороги, куда насильно стояли лопари с оленями. Перевозка без привычки большие тяжести, олени быстро обессиливали и гибли. Несколько ноже — уже в период английской интервенции — лопари из опасения реквизиции сами хищнически уничтожали свои стада. Все это вместе взятое привело к уменьшению поголовья и только в 1923 г. обозначился сперва медленный, а затем все более и более уверенный рост стада.

«ИМЯНИЕ»

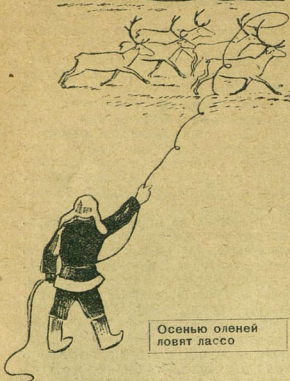
Оленья стада состоят из самок — «важенок», производителей — «хиврасов», рабочих быков и молодняка до двух лет. Хозяйственный год оленевода начинается весной, с момента отела важенок.

Как мы уже говорили, оленья стада, выгуливаемые в тундре в первые весенние дни, уходит вглубь тундры, и собиране его в октябре, перед убоем, представляет немалую трудность. Этот процесс называется у лопарей «имание».

«Имение» начинается с того, что лопари ловят необходимое количество ездовых быков и на них уезжают в тундру, в места, где предположительно должны находиться олени. Здесь ставят «куваксы», и вокруг нее, как вокруг центра, описывая более или менее правильные круги, загоняют всех попадающихся оленей, собирая их в одно стадо.

Когда «имание» закончено, начинается «отбизание»: отбор и распределение оленей между отдельными хозяевами. С этой целью лопари селят друг к другу в гости и, отбирая оленей, попавших во время «имания» к другим хозяевам, составляют каждый свое стадо. «Отбизание» отнимает у лопарей много времени и плохо отзывается на оленях, которые от непрерывной гонки от хозяина к хозяину теряют накопленный за лето жир.

Оленья лопари производят подсчет стада и к зиме молодняка. Для этого

Осенью оленей ловят лассо

олять-таки необходимо «мать» оленей. Кстати, как правило, ставится на ухе животного: у каждого хозяина есть свое особое клеймо, по которому он всегда может узнать принадлежащего ему оленя.

«Имяние», «отбивка» и подсчет стада относятся оленеводу очень дорого, и, несмотря на существование специальных приспособлений, освобождающих от необходимости ежегодного имяния или облегчающих эти процессы, оленеводы в массе не могут прибегать к ним, так как у них для этого нехватает ни рабочей силы, ни средств. Приспособление, облегчающее отбивку, чрезвычайно просто и ничего мудреного собою не представляет. Называется оно «изгородью».

Это — небольшой участок тундры, огороженный изгородью с узким проходом в одной из стен. Пропуская стадо в этот проход, оленевод пересчитывает прошедших в ворота оленей и таким образом учитывает их количество.

Помимо этого изгородь является также наиболее совершенной формой выпаса, так как изолированные изгородью олени не разбредаются в тундре, хищники же сюда попасть не легко.

НАЧАЛО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

При единоличном ведении хозяйства лопари, имеющие мелкие стада в 15—20 голов, т. е. наиболее типичные для бедняков, и даже середнячки стада в 80—100 голов, лишены возможности рационально вести хозяйство и оберегать стадо от потерь. Происходит это по следующей причине: для того, чтобы пасти стадо в тысячу голов, достаточно иметь двух пастухов. Лопари-кулаки нанимают для такого большого стада двух батраков, и это вполне оправдало расходы на их содержание. В то же время нанять бедняка или середняка пастуха для нескольких десятков оленей просто невыгодно. В силу этого немалую часть лопарей вынуждено оставлять стадо без присмотра, подвергая оленей многочисленным опасностям тундры.

Когда наиболее передовым лопарям из бедняков и середняков стало ясно, что культурное оленеводство немислямо до тех пор, пока олени не будут собраны в большие стада и поставлены в лучшие условия, они сделали попытку организовать их. Отсюда — первые попытки коллективизации, не увенчавшиеся однако вначале особым успехом, ибо они встретили сильное сопротивление кулацких элементов, влияние которых тогда было почти неограниченным. В качестве иллюстрации, рисующей все своеобразие форм и методов классовой борьбы в тундре, приведем следующий интересный эпизод, изменивший место в погосте (селение лопарей) Пулозеро.

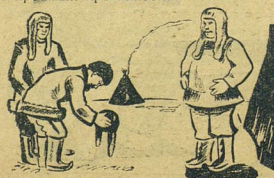
В этом погосте жил кулак-оленевод Кондрат Архипов, которому за определенную часть приплода бедняк сдавал своих оленей для пастбы. Когда наступал момент расчета, всегда выходило так, что приплод у беднячков важнее не оказывалось: то волк залрал телат, то овод замучил, а чаще всего, по уверению Архипова, «злые духи» угнали их в тундру.

Архипов пользовался среди лопарей репутацией колдуна, и его все боялись. Но вот однажды обворованный «колдуном» бедняк Маркович потребовал от него, чтобы тот доставил его к стаду, посмотреть, нет ли среди архиповских оленей его — Марковича — важенки. Архипов разозлился на бедняка, вытискал его и пригрозил близкой смертью.

Спустя некоторое время Маркович, давно болевший туберкулезом, и в самом деле умер. Архипов очень ловко использовал этот случай и привидел его в доказательство своего безграничного могущества.

Прошло несколько лет. В начале 1930 года группа лопарей, пострадавших от колдуна, подала на него жалобу в суд. Это был первый случай обращения лопаря в советский суд. И это была полная победа лопарских бедняков. Получив повестку с предписанием явиться к судебному следователю в Мурманск, Архипов умулялся в тундру к своему стаду, где и скрывался около года. Однажды пулозерский бедняк Ковыков, собирая в тундре своих оленей, наткнулся случайно на несколько архиповских. Тотчас повернув в Пулозеро, он сообщил об этом председателю сельсовета. На следующий день сюда прибыли представители района, и направился по горячим следам в тундру. Прокружив километр семьдесят, они попали к архиповскому чуму — прямо на чай. Хоть гости были и незваные, а принять пришлось.

На завтра из архиповского стада было отобрано 36 быков для лесозаготовок, а присмиривший «колдуна» был препровожден в Мурманск для дачи показаний о прошлых провинностях.

Архипса боялись, его считали колдуном

Случай этот вызвал много толков и своим прямым следствием имел резкое классовое расделение в тундре. Бедняки поняли, что наступил момент для организации, ибо это — единственное оружие в борьбе с еще неликвидированными кулаками.

К концу 1930 г. на Мурмане было четыре оленеводческих колхоза, объединивших свыше 10 тыс. оленей.

Лучшим колхозом на полуострове считается Ивановский. Сюда проникли уже принципы организации труда, присущие старым животноводческим колхозам. Поголовье колхоза, насчитывающее 8 тыс. оленей, разбито на три стада, к каждому из которых приставлена бригада в пять-шесть пастухов. Оплата труда здесь сделанная, притом весьма своеобразная — счет производится с головы сохранившегося оленя за год, причем пастух получает 75 к. за взрослого оленя и один рубль — за молодого.

В заключение скажем несколько слов об одном высочайшим качеством «корабль тундры», которое только теперь получило у нас признание и использование которого должно произвести настоящую революцию в питании детей Заполярья. Речь идет об оленем молоке. Огромное практическое значение этого станет понятным, если учесть, что за Полярным кругом корова — такое же редкое и диковинное животное, как и индийский крокодил у нас. Дети, родившиеся на Мурмане, не видели коровы иначе как на картинке. Удовлетворить требования тысяч детей Заполярья на молоко должен все тот же «корабль тундры» — северный олень.

Лопари, живущие в Швеции и Норвегии, доят оленей уже несколько сот лет и получают великолепное молоко.

Сейчас этот вопрос поставлен на практическое решение и у нас. Ленинградское отделение «Союзмолоко» направило в Мурманск своих специалистов, и они произвели пробное доение. Конечно приучить к нему важенку не так легко. Это — очень пугливое, но в то же время ласковое животное, и, если с ней обращаться мягко и ласково, она может быть приручена довольно быстро.

Анализ молока, произведенный в Ленинграде, показал, что оно содержит 23 проц. жира, т. е. по крайней мере в пять раз питательней коровьего молока.

Успешность олытов, произведенных по доению оленей уже сделала свое дело. Правление объединения «Оленеводтрест» предписало совету мурманского совхоза поставить на доение восемьсот важенок.

Этот первый вклад в молочное снабжение детей Заполярья является огромным достижением и требует самой активной поддержки прежде всего со стороны своих ребят — пионеров.

Восьмьсот важенок — это капля в море по сравнению с общим поголовьем оленей на Мурмане. Многие тысячи колхозных и частновладельческих важенок еще долго не будут использоваться в качестве дойных животных, если по этому поводу не развернуть широкую кампанию. Пионеры Мурманского округа, кровно заинтересованные в доении важенок, должны взять под особое внимание их доение и убедить своих родителей в том, что право детей на молоко должно быть удовлетворено решительно и непрерывно.

При любви поезде

Рассказ
Л. Касиль.
Рисунки
Л. Бродаты

Летчикам тоже интересно. И аэропланы низко кружатся над полем битым.

А внизу, в переполненных трамваях и автобусах люди спрашивают друг друга:

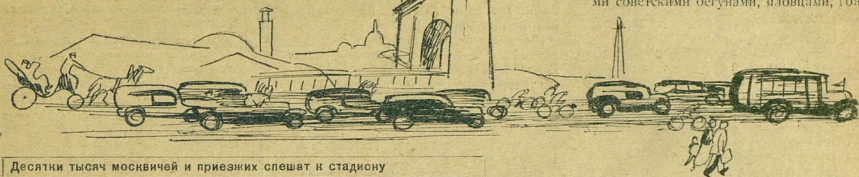
- На «Динамо» ходите?
- Схожу на «Динамо».
- На южной?
- Нет, на северной.

Он так велик, стадион «Динамо», что между южной трибуной его и северной уместается как раз трамвайный перегон от остановки до остановки.

Десятки тысяч москвичей и приезжих

Стадион «Динамо» был тогда гигантским бетонным насадом, на который сагетались лучшие пионеры со всех концов СССР.

Все-таки я скажу кое-что о стадионе. Трибуны его, т. е. места для зрителей, похожи на подкову, обрешенную какой-то лошады-великаншей. Так и шутят,

Десятки тысяч москвичей и приезжих спешат к стадиону

спешат к стадиону. Они только-что отработали, отознамлились, отлучились. Они читают находу, на бегу, на скаку газеты. И в газетах написано, что сегодня на стадионе «Динамо» «большой день».

«Большой день» — так называют физкультурники день серьезных соревнований. Большие спортивные дни бывают и зимой, когда дни коротки, как вспышка ракеты.

Но сейчас июнь, месяц самых длинных дней в году. И дни на стадионе, в Москве, в стране огромны. Не успеваеь день выйти из северных ворот стадиона, как в южные стучится уже завтрашний.

Все советские пионеры знают этот стадион. Они или гостили сами на его трибунах, или видели его на снимках, или слышали о его чудесах от своих товарищей, которые ездили на пионерский сает.

что у зеленого порога столицы пририта великанская подкова «на счастье». И на здоровье.

Толщиной эта подкова — с четырехэтажный дом. Она была рассчитана так, что на ней может удобно рассестись 3.500 чел., а стоя могут разместиться 10.000 зрителей.

Но наша жадность к знаниям, здоровью и счастью так растет, что все сделанное оказывается недостаточным.

И когда в Москву приехали в прошлом году турецкие футболисты, то на стадионе «Динамо» уместились сидя, стоя и лежа 80 тысяч зрителей.

А еще тысяча около 20 ушла домой, не солоно хлебавши. Потому что стадион был заполнен до самых краев и те, кто не запас заранее билетов, оказались выпеснутыми.

Но пусть они не унывают. В Москве начали строить новый стадион-стадионше.

На его трибунах будет 125 тысяч мест.

А так как мы научились обходиться в тесноте без обиды, то значит на новом стадионе вполне уместится 150 тыс. зрителей.

Вы представляете себе, что это только будет: 150 тыс. чел., сидящих кругом небольшого зеленого поля.

Если все они увидят чему-нибудь и сразу все вместе скажут «о!» — это будет такое «о», что оно залетит над Москвой, как воздушный шар.

И в небе летчики, которым тоже интересно, увидятся вместе со всеми.

Эти сто пятьдесят тыс. чел. придут смотреть состязания мировой Спартакиады. Она состоится в будущем году. Придут лучшие рабочие-спортсмены всего мира. Они встретятся с нашими советскими бегунами, пловцами, гон-

щиками, футболистами. Но участники мировой Спартакиады — это не те, кто всю свою жизнь проводит на беговой дорожке. Это — профессиональные чемпионы, не те, кто зарабатывает огромные деньги своим умением бегать, прыгать и драться. На Спартакиаду придут шахтеры-футболисты, математики-боксеры, шоферы-бегуны, текстильщики-кольсметатели и т. д.

Сядут советские спортсмены: рабочие, крестьяне, красноармейцы, придут зарывающиеся пролетарские спортсмены — рабочие, интеллигенты. Они всю жизнь работают, трудятся. И лишь в свободные минуты могут заниматься спортом. Они укрепляют свои мышцы, они крепят красивый спортивный фронты, они готовятся к борьбе не только на стадионах.

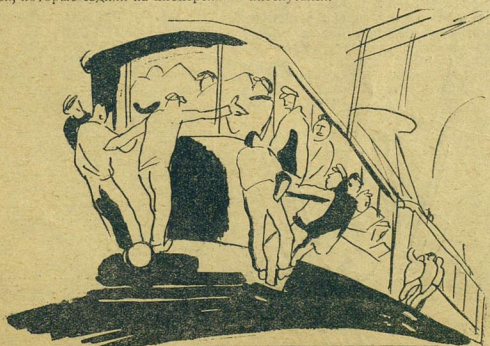
Пока мы с вами тут толкуем о Спартакиаде, на стадионе «Динамо» в 6 часов вечера начинается «день», большой спортивный день. Огромный мяч — он выше человека — лежит в центре поля. Судья игры свистит. С двух сторон на мяч бросаются по одиннадцати человек, желтые и полосатые-черные. Это — химики и печатники. Это — пушбол.

Надо выкатить мяч с поля за черту противника. В мяч упираются, его толкают руками, плечами, под него поддевают, на него ложатся, с него скатываются. Мяч медленно выпирается вверх. Его награждают тумаками.

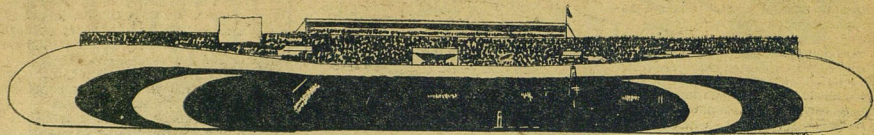
Он катится на вытянутых руках игроков. Потом он садится на траву. Вокруг него начинается опять возня, сопение.

А мяч непоротлив. Мяч кажется добродушным слоном, которого доимает это беспокойное двухцветное племя. 50.000 чел. всеело хохолют на трибунах. Очень смешно.

А, ну, ну химики!
Но все жад к футболу. Все спрашивают друг друга:

...трамваи переполнены, всем хочется попасть на стадион

Стадион велик, он вмещает 80 тысяч зрителей

— Селин играет? Рыжий сегодня будет?

«Рыжий Федя», «король воздуха», «вездесущий» — каких только прозвищ не давали посетители стадионов Федору Исайчу Селину, самому известному, любимому и лучшему футболисту в СССР.

Но сегодня Федя Селин не играет.

Говорят, что он болен, что он уехал. Говорят, что он занят. Ведь он — инженер завода «Серп и молот».

Вокруг зеленого поля, ровного, как сукно на письменном столе, идет серая беговая дорожка.

Длина всей дорожки 450 метров. И там начинается эстафетный бег.

На старте поднят флажок.

Приготовились? Внимание! Флажок резко опускается. Марш!

При первых же каплях дождя иностранные дипломаты заволновались

Выстрел. Четыре разноцветных бегуна рванулись вперед так стремительно, словно это ими выстрелили из револьвера. В руках бегунов палочки, похожие на барабаны. Нужно обнести эти палочки вокруг поля несколько раз. Каждая палочка должна сделать 1.500 метров — полтора километра. Первые носители палочки обязаны пробежать 800 метров. Поэтому сперва бегут выносливые, «спокойные» бегуны. Они пробегают поле два раза. Каждого бегуна ждет уже товарищ в майке его «сродного цвета». Он схватывает палочку и уносится с ней вперед. В руках этого бегуна палочка должна пройти один круг — 400 метров. На этом круге идут более быстрые, более резвые бегуны. Шаг их короче и чаще. Обнесенная вокруг поля палочка передается в третьи руки. В этих руках палочке суждено быть лишь полукругом — 200 метров. Дистанция в два раза короче. Темп бега все резвей и резвей. Зрители волнуется: чья палочка придет на финиш первой... Вот палочка вступила на последний путь — 100 метров. Бегуны мчатся. Лента натянута. Зрители выходят из себя, кричат. Все мелькает: локти, подошвы, колени. Рывок. Прыжок. Лента... Победа! Победила та палочка, которая прошла по рукам наиболее дружной команды.

Но все идет к футболу. У нас побойт

футбол. И вот футбол начинается. Судья свистит, мяч уходит и взлетает. Голкипер мечется в воротах. На зеленом поле идет борьба, игра, матч.

На поле идет битва.

А на трибунах приоткрылись 50 тысяч тров. Смотрят 100 тыс. глаз и 500 тысяч пальцев перебирают газеты, программы и спортивные журналы.

Вы увидите здесь седых профессоров, рабочих с семьями, молодежь, школьников, крестьян, приехавших в Москву по делу, физкультурниц, работниц и т. д. Вы увидите товарищей Буденного и Карахана, иностранных дипломатов, вы увидите...

...Вдруг пошел дождь. И какой! Уйм-м воды ушла с неба.

С трибуны хлынули водопады, иностранные дипломаты исчезли, словно их смыло. Но остальные зрители прикрываются газетами, пиджаками, плащами.

А футбол превратился в ветер-полю (так называется водный футбол).

Игроки падают в лужи.

Мяч плохается, обдавая всех брызгами.

Белые трусы стали черными.

Голкипер похож на утопленника. Он только что «нырял» за мячом. И весь стадион аллодирует стойким, вытравленным игроком. Хлопают так, что от мокрых ладоней идет пар.

Недаром на наших спортивных афишах пишется: «матч состоится при любой погоде».

Дождь кончился.

Футбол тоже.

Это была первая встреча лучших футболистов Киева и Москвы.

Города сыграли вничью — 1:1.

Но через пять дней они встретились опять. И непобедимая Москва, чемпион СССР, впервые проиграла. Киев забил

Москве 5 мячей, пропустив лишь два с мяча. Игра окончена.

Но все сидит на местах.

Все ждут мото-велогонки.

Вокруг бегового кольца стелется бетонная дорожка, гоночный трек.

На концах, там где она, заворачивая, отбегает поле и внутреннюю дорожку бетон высоко и круго поднят.

Образуется гигантская бетонная ван-

Но остальные зрители остались на местах

на, динше которой прозеленоло футбольным полем.

Длина бортов этой «ванны» — 800 метров. Обойдя трек кругом лишь пять раз, отшагаешь 4 километра.

Там, где обычно в ваннах делают отверстие для стока воды, на пол вымостят люк. Из этого люка на свет вылезает велосипедисты. Они несут свои машины на плечах, педали велосипедов беспомощно барахтаются в воздухе. Острые лучники еще встанут над плечами гоночников, как штыки.

В это время раздается подземный гул. Нет. Это — уже гудящий рев. Все настроилось.

И на бетон выезжают мотоциклы.

Они делают несколько петеропливых кругов, разогревая свою горячую кровь, разминая застоявшиеся металлические суставы. Но уже звенит набатом колоток и начинается гонка. Закачались колени велосипедистов: в этой гонке участвуют и велосипедисты и мотоциклисты.

У каждого гоночника — велосипедисты свои «лидеры», мотоциклист.

Мотодискл мчится вперед, рассекая воздух, отбрасывая вихри в стороны.

За мотоциклом, образуется разреженное пространство, раздутотенный воздух.

Мяч плохается, обдавая всех брызгами

РАССКАЗ О ТАЙНЕ ЕТШ

Недавно вышла новая книга Л. Кассля. Она называется «Блуждающая школа».

Читатели «Пионера» вероятно помнят ее. В прошлом году она печаталась в нашем журнале. Книжка — веселая. Такая, какую, начал читать, не отложив уже до самой последней точки. Таких книг у нас мало, а те, какие есть, так давно распроданы.

В маленьком волжском городке есть гимназия (так при царе называлась школа). Как учились в этой школе, мы помним по первой книге Кассля «Кондуит». Знаем мы, как однажды, в очень хороший день Никита Павлович Камышев, веселый длинноусый учитель, попросил выйти вон из класса портрет Николая Романова, царя всероссийского, за то, что тот курил вставленную ему в рот Стелку Атлантидой папиросу. С тех пор школа раскололась. И первая книга кончилась на том, как сгорел кондуит — страшный гимназический штрафной журнал. Гимназист в серой застегнутой на все пуговицы шинели ушел и книга кончилась. Гимназист ушел, но ребята остались. Они перешли во вторую книгу и стали блуждать, потому что гимназия, старая — цинковая система, старые педагоги — инспектор, историк, рыжий математик, латинист — больше уже не существовали. Ребята стали блуждать, потому что блуждала вся страна, а что означала таинственная ЕТШ — никто не знал.

А неизвестная ЕТШ — это единая трудовая школа. «Единая» потому, что она составила из начальной, приходской, городского, коммерческого и реального училищ и классической гимназии. «Трудовая» потому, что, как сказал комиссар товарищ Чубарьков, «она всех трудящихся и обучает всяким трудам — умственным и физическим».

Но не так скоро и не так легко раскрылась бывшим гимназистам тайна ЕТШ. Они все, правда, с начала учебного года увидели нового человека, комиссара товарища Чубарькова, узнали его замечательное изречение «точка и шаг», но не все они поняли падение режима, поняли свободу так, как нужно было понять. Был например герой класса Биндюг — кулацкий сын с хутора. Он понял новое так, что учиться совсем теперь не нужно.

— Некогда этим делом заниматься, — отвечал он, — не старый режим, хватит.

Так думал он и устроил знаменитый «евселенский хай», когда из школы устранили реакционера и вредителя Семюна Игнатьевича Кирикова. Он устроил «хай», он выгнал из класса революционера Стелку Атлантиду и «сочувствующего интеллигента» Ленку и потребовалось вмешательство кола комиссара товарища Чубарькова, чтобы кончить «хай». Но с тех пор, как будто после кризиса, школа стала поправляться, стала, как выздоравливающий больной, шатать все увереннее и наконец пошла по прямой, широкой советской дороге.

Книга кончается первым общественным советским предприятием школы, для которой стала ясна тайна ЕТШ.

Жаль только, что тираж книги мал, всего 25 тысяч экземпляров. Это очень и очень недостаточно. Необходимо второе издание.

Л. КАССИЛЬ БЛУЖДАЮЩАЯ ШКОЛА

В этой бегущей за мотоциклом полудусте за спиной лидера бешено качает педали велосипедист.

Воздух не упирается ему в грудь, как при обыкновенной езде, одиночной.

И велосипедист может гнать свою машину с невероятной быстротой.

Вся штука в том, чтобы, не взяв непосильного темпа, не выдохнуться, не отстать от мотоцикла на поворотах, не сбиться в сторону от разреженной струи.

Иначе воздух сейчас же плотно упрется в грудь гошника, возьмет его за ноги и отбросит.

Как и у певцов, в гонке есть высокие места, с которых легко сорваться и разбиться вдрызг.

На поворотах, выражая, эта человекотворная пара взлетает на высоту двухэтажного дома. На самый верх бегового борта ванны.

Машины наклоняются, они несутся параллельно земле, лежа в воздухе, со скоростью до 70, 75 километров в час.

Только центробежная сила спасает их от падения. Мотор гремит. Колени велосипедиста работают, словно поршни. В сорок секунд пары замыкают полный круг.

Через каждые 40 секунд они проносятся мимо нас в громе мотора и страшном вихре мышц.

И человек у финишного столба подносит к их мигновочным взорам белые цифры с убывающими цифрами: 10, 9... 8, 7 крутов, осталось промчаться лучшей из гошников пар 5... 4... 3... Они мчатся колесо в колесо, словно велосипедист привязан к мотоциклу.

Их хотит обогнать. Поодино... 2... 1. Вьет колокол, Газуй! Газуй!

Последний нажим на педали. Жми! жми!

Когда мотор усталो стихает, слышно, как притесствует стадион двух победителей.

И на этом кончается большой день.

Но не только «большие дни», а ежедневно на площадках, на водных станциях, в стрелковых тирах сотни и тысячи физкультурников и физкультурниц закаляют свои тела и сдают экзамены по прыжкам, по стрельбе, по бегу, по плаванию.

Сдают рабочие, колхозники, вузовцы, артисты и летчики. Им тоже интересно. И у десятков тысяч уже сияют на хорошо проверенной крепкой груди значки ГТО.

Этот значок удостоверяет, что носитель его бегает, прыгает, ялаает, носит тяжести, бросает гранату и стреляет достаточно хорошо.

Этот значок сообщает нам, что носитель его готов к труду и обороне СССР при любой погоде.

Клуб Сообразительных Ребят

Цена 20 коп.

КТО ВИНОВАТ В УЛИЧНЫХ НЕПОЛАДКАХ? Ответ в самом рисунке. Присмотритесь внимательно и прочтите.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“, СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

Продолжается подписка на 1932 г.

ВЕСЬ ПИОНЕРСКИЙ И ШКОЛЬНЫЙ АКТИВ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦК МОК ВЛКСМ

ВОЖАК

«ВОЖАК» — боевое оружие в руках вожаков детских масс.
«ВОЖАК» — организует массы школьников на борьбу за политехническую школу, за вовлечение всех пролетарских ребят в социалистическую стройку, за овладение знаниями.
«ВОЖАК» — лучший помощник вожака школы, члена учкома, каждого уважаемого ученика, в школе и на общественной работе.
«ВОЖАК» — дает богатый материал для организации школьных перемен, проведения культурного досуга, работы зачетников.
«ВОЖАК» — вручает актив на борьбу с извращениями в строительстве новой школы, в проведении в жизнь новых школьных программ.
«ВОЖАК» — рассказывает о лучшем опыте военной, интернациональной, охотничьей, себестоимой работы.

Техническая страница «ВОЖАКА» проводит в 1932 году ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ МЕХАНИКОВ.

Кроме того — постоянные страницы: РАДИОПРИЕМНИКИ, ФОТОЛЮБИТЕЛИ.

К работе в журнале привлечены высококвалифицированные журналисты, художники, инженеры, спортсмены.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	— р. 20 к.
» 3 »	— р. 60 »
» 6 »	1 р. 20 »
» 12 »	2 р. 40 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, письмомосцами и пикетчиками «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ» в школах и отрядах.

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“, сектор „Комсомольская правда“

Связи и набор 22/VI и подписки к печати 15/VI.

Изд. № 694.

135 000 п. а. 1 бум. л.

Отг. ред. Ел. Кузьмина

Уполномоченный Главлита № В-30157.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

Зак. № 2122. Тираж 41.000